

КВАРТИРАНКА

С ДВУМЯ ДЕТЬМИ

РОМАН СЕНЧИН

Москва
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя44
С31

Оформление серии *Е. Анисиной*

Иллюстрация на переплете *В. Тимофеевой*

Сенчин, Роман Валерьевич.

С31 Квартирантка с двумя детьми : [сборник рассказов] / Роман Сенчин. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-096919-7

В новом сборнике известный писатель-реалист Роман Сенчин открывается с неожиданной стороны – в книгу включены несколько сюрреалистических рассказов, герои которых путешествуют по времени, перевоплощаются в исторических личностей, проваливаются в собственные фантазии. В остальном же все привычно – Оля ждёт из тюрьмы мужа Сережу и беременеет от Вити, писатель Гушин везет благотворительную помощь голодающему Донбассу, талантливый музыкант обреченно спивается, а у Зои Сергеевны из палисадника воруют елку. Среди героев и прототипов – Аркадий Северный, Майк Науменко, Захар Прилепин.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя44

ISBN 978-5-04-096919-7

© Сенчин Р., 2018
© Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2018

АРКАША

Свободное время они тогда проводили так: шлялись по Невскому и окрестностям и рифмованно обстебывали все на свете. Даже недавно выпрыгнувшего с пятнадцатого этажа в Нью-Йорке Донни Хатауэя — «Хатауэй не нашёл дверей». Жалости к нему не было — тридцать три года, до которых дожил Донни, казались им неприличной старостью для музыканта...

В тот день устали так, что ноги подгибались и до тошноты хотелось есть. В горле першило от ржания. И нужно было выпить портвейна, в тепле, под горячую закуску. Решили завернуть в чебуречную на Майорова.

На первом этаже был бар и, как всегда, играла музыка. Поднялись на второй.

— О, привет, Жора! — увидел Михаил сидящего за столом в одиночестве чувака с длинными волосами и грустным узким лицом. Перед ним тарелка с чебуреками и ополовиненный стакан. И ещё блокнот и ручка.

Чувак шевельнул губами — типа улыбнулся. Привстал и снова сел.

— Вы знакомы? — Михаил оглянулся на пришедших с ним. — Андрюша, Витя... А это Георгий из «Россиян».

Андрюша и Витя по очереди пожали руку Георгию, но представились иначе. Первый, плотненький, невысокий, сказал — «Свинья», а второй, узкоглазый и тощий, — «Цой».

— Жора, мы к тебе приземлимся? — спросил Михаил.

— Ради бога...

Взяли по порции чебуреков по-ленинградски с соусом и две бутылки «Кавказа».

Жора сидел и смотрел в блокнот. Его чебуреки оставались нетронутыми, а вина в стакане слегка уменьшилось.

— О чем призадумался?

— Так... — Жора перевернул блокнот исписанной страницей вниз, взялся было за чебурек, но не выдержал и сказал тихо, как-то вскользь, словно пытаясь сделать вид, что не он выдал такую важную тайну: — У нас запись завтра.

Михаил перестал жевать, изумленно смотрел на длинно-волосого.

— Гонишь.

Жора не ответил, и Михаил понял, что это правда.

— А можно с вами? Посмотреть, как вообще происходит... Жор, пожалуйста?

— Ну, я не знаю. Не я там главный... — И Жора с неохотой, с усилием, но разговорился: — В красном уголке каком-то. Ещё и, понимаешь, не наша команда только, а с этим... Аркаше какому-то будем подыгрывать. Блатарь, не наша зона вообще...

Михаила снова парализовало изумление. Некоторое время он глядел на Жору круглыми глазами, беззвучно приоткрывая рот. Потом выдавил:

— Аркадий Северный?

— Вроде Северный... А ты его знаешь?

— Слышал плёнки... И вы с ним?

— Ну, песен пять своих споём — вот выбираю, какие будем... А потом ему, хм, аккомпанировать... Сегодня только договорились, а завтра запись. Но надо. Материала на три альбома, а ни одной записи студийной до сих пор...

— Жор, возьми побыть. Мы тихо себя вести будем.

— Вы? — Жора с брезгливостью посмотрел на жадно евших и пивших вино Андрея и Витю, которые, казалось, и не слышали разговор.

— Ну да. Они тоже музыканты. Нормальные чуваки. Пусть учатся.

Жора допил вино. Порция из четырёх чебуреков по-прежнему была цела — совсем, наверное, остыла...

— Хорошо, — решился. — Только, Майк, если там начнут выгонять эти, которые с Аркашей, вы не лезьте. Я не решаю... Вообще как-то мутно всё...

— Ладно, ладно, — кивал Михаил. — Адрес черкни.

Жора вырвал лист и написал адрес.

— Не позже двенадцати.

Михаил кивнул и стал наливать ему вина.

— Не надо. Мне хватит. Завтра нужно в нормальном состоянии быть.

— Правильно.

Посидев ещё минуту, Жора поднялся и, подхватив блокнот, не попрощавшись, вышел из зала... Его остывшие чебуреки Андрей и Витя поделили между собой.

С трудом нашли точку. Она находилась на проспекте Энергетиков, где дома похожи один на другой. Огромные, серые.

Это был действительно жэковский красный уголок на первом этаже. Крошечная сценка со столом, справа от которого стояла фанерная трибуна, у стены — пианино. Традиционный для таких мест «Красный Октябрь». Напротив стола и трибуны — три ряда сидений, скрепленных рейками по четыре. На стенах висели стенды с какой-то поучительной ерундой.

— Ну вы и нарядились! — хмыкнул Жора, взглянув на Андрея с Витей. — Как на концерт пришли.

— Для нас каждый прожитый день — концерт, — довольно задиристо ответил Витя, выпятив нижнюю челюсть, и тут же смутился, отвёл от Жоры глаза.

Андрей тоже хотел что-то сказать, но Михаил, оставшийся в том же пальтишке, что и вчера, опередил:

— Сядем назад. Мешать не будем, как обещали.

Кроме Жоры в красном уголке находились ещё четверо парней лет двадцати пяти. Длинноволосые, у двоих усы,

у одного — бородака. Собирали ударную установку, подстраивали инструменты. На пришедших не обратили никакого внимания. Был и ещё человек, плотненький, невысокий, довольно взрослый. Он посмотрел на пришедших с подозрением и тихо что-то спросил у Жоры. Жора так же тихо ответил, и человек, пожав плечами — мол, дело ваше, — уселся в первом ряду.

— Гля, басуха реальная! — тихо воскликнул Витя.

Андрей хлопнул его по плечу:

— Ну и у тебя скоро будет, ты говорил.

— Копим по копейкам... Сами ведь каждый день: Витя, давай твой рубль, давай рубль...

— Инструмент, — сказал Михаил, — это главное. Сначала инструмент, а потом портвейн.

— Кто б говорил, — вздохнул Витя.

Парни на сцене, кажется, закончили подготовку. Барабанщик прошёлся по своим тарелкам, бонгам и бочке, спросил недовольно взрослого человека:

— Ну что, где аппарат? Уже четверть первого.

— Едут, — уверенно сказал тот, а потом не так уверенно: — Наверное, подъезжают.

— А как вообще построим процесс? — заговорил Жора, до того самоуглублённо трогавший медиатором струны своей сказочной «мусимы». — Что это будет? Мы своё играем или подыгрываем этому вашему...

— Ребятки-ребятки, — выставил руки человек, — сейчас придет Рудик, он объяснит. Я тут так — дверь открыть, закрыть, проследить, чтоб пожара не было.

— Понятно. — Грустный обыкновенно Жора беззлобно засмеялся. И стал наигрывать на неподключенной гитаре риффы. К нему присоединился сначала бас, потом — тихо-тихо — ударные, скрипка, закапало клавишами третьей октавы пианино. Получился такой хард-рок шёпотом. Прекрасный и жутковатый саунд. Кажется, все ожидали, что Жора вот-вот запоет, но он не запел. И от этого прекрасная жутковатость только усилилась.

В коридоре хлопнула дверь, послышались шаги. Потом дверь хлопнула ещё раз, раздалось: «Да держи её!», — и в красный уголок вошёл темноволосый, слегка кучерявый мужчина в громоздких очках, а за ним — невысокий, шупленький, чернявый, в расстёгнутом пиджаке и при галстукке, с накинутым на плечи пальто. Левая рука была в гипсе и висела на бинте.

— Эт что, — хихикнул Андрей, — Юрий Никулин, что ли, из «Бриллиантовой руки»?

— Это, — голос Михаила стал строгим, как у учителя, — Аркадий.

— Этот, который блатарь?

— Тихо... Сидим и смотрим.

— Здорово, парни! — обратился к музыкантам на сцене мужчина в очках. — Готовы?

— Мы-то готовы...

— А мы тоже через пять минут.

И тут внесли пульт, громоздкий магнитофон, штативы, чемодан, из которого без промедлений, с какой-то автоматической отточенностью вынули микрофоны и стали устанавливать возле барабанов пианино. Летели разматывающиеся в воздухе шнуры, вонзались в розетки вилки... Это напоминало работу бригады электриков. Настоящих, а не из ЖЭКа...

Во время этой круговерти чернявый с загипсованной рукой юркнул под трибуну и через минуту вынырнул без пальто и с порозовевшим лицом.

— Стол сюда, — командовал один из электриков, — пульт сюда.

— Итак, — заговорил мужчина в очках, — объясняю положение дел. Мы хотим записать концерт Аркаши, — он указал на чернявого, — в сопровождении настоящей рок-музыки. Я слушал вас — вы настоящая музыка рок. Предлагаю такой сценарий. Сначала вы исполняете две-три свои песни...

— Пять, — с каменной твёрдостью сказал Жора, и мужчина, секунду подумав, ответил:

— Четыре. Четыре песни. А потом приходит Аркаша, и вы играете с ним.

— А что мы будем играть? В каком стиле? Надо порепетировать.

— Рэпетируют те, кто нэ умэет играть, — сказал чернявый; сказал вроде бы тихо, но слова ударились в стены, и стены словно завибрировали.

— Определимся по ходу, — добавил мужчина в очках, кивнул электрикам: — Ну как, готово?

Человек за пультом — «восьмиканальник», определил Михаил — стал давать команды музыкантам, выстраивая звук. Это продолжалось минут десять. Второй человек, за магнитофоном, вынул из картонного футляра огромную бобину, вставил её в штёр, провёл ленту через лентопротяжный механизм, вдел в зажим на второй бобине, пустой. Чем-то пощёлкал и поднял руку:

— Готов.

— Поехали! — сказал мужчина в очках, и на магнитофоне щёлкнула клавиша записи, бобины бешено закрутились.

Музыканты переглядывались растерянно.

— Ну что вы?.. Сергей, отбой... Плёнка ведь тратится. У вас есть ведь эта... про мерзость.

— Давайте «Мерзость», — отозвался Жора.

— По команде... Поехали!

Снова щелчок. Жора стал пощипывать струны своей «мусимы», изображая шаги крадущегося существа. А следом ударили барабанщик, басист, вступило пианино, и потёк тяжёлый ритм-энд-блюз.

Жора запел:

По улице шла мерзость
И не видна в толпе.
Одета ли по моде?
Одета ли как все?

Текста было мало, но песня длинная, с протяжными проигрышами, гитарными запилами, взрыдами скрипки... Михаил кивал и неслышно постукивал ногой. Андрей и Витя смотрели на музыкантов кривясь — им по вкусу был другой стиль.

Аркаша

— Отлично! — сказал мужчина в очках, когда магнитофон щёлкнул и бобины перестали вращаться. — Поехали дальше.

— Эту надо перепеть, — сказал Жора. — Накосячили.

— Серез, слухани, как получилось.

Человек за магнитофоном жихнул бобинами. Послушал в наушниках и ответил:

— Акустика не очень, но в целом — пойдёт.

— Можно нам послушать? — встрял басист.

— Потом послушаем, парни... Продолжаем. Про канарейку давайте. Отличная баллада.

— О, канарейка! — встряхнулся развалившийся на сиденье чернявый. — Это тэма моя.

— Аркаш, ты пока отдохни... Пишем?

— Пишем, — как-то затравленно согласился Жора.

На этот раз ритм-энд-блюз был подинамичнее. Скрипка вступила сразу, пианист рассыпал гаммы. Несоответствие жестких электрогитар и скрипки с клавишами скребло, как наждачка, и в то же время завораживало.

Сладко поют канарейки,
Хозяин — любитель пения, —

стал чеканить Жора, —

Нам слушать ваши трели,
Пожалуй, не хватит терпения.
Для них и солнце,
Всего лишь жёлтое пятно
На фоне дня.
Сквозь запотевшее стекло
Напоминает цвет рубля-а...

— Ну как? — шепнул Михаил, когда песня кончилась.

— Это уже получше, — с видом предельного сноба показал головой Андрей.

— А вы что, никогда «Россиян» не слышали?

— Может, и слышали. Но это не то, на что надо равняться.

— Равняться надо на мавзолей, — сострил Витя и снова смутился.

Четыре песни записали с первого раза. Видно было, что музыканты много раз их играли, знали свои партии до последнего аккорда.

— Так, — похлопал в ладоши мужчина в очках. — А теперь мы сделаем вот что: вы играете следующую песню, но она не идёт. И тут скрипит дверь, и входит Аркаша... Аркаша, ты где?

— Здесь Аркаша. — И он выскочил из-за трибуны с ещё более раскрасневшимся лицом; за ним следом — пианист.

— Аркаша, мы ж договаривались, — в голосе очкастого послышались досада и раздражение. — После записи выпьем.

— Для Аркаши, Рудик, пэть и пить — синонимы!

— Майк, чего он так понтуется? — спросил тихо Витя. Михаил пожал плечами:

— Одессит.

Человек в очках, которого, как оказалось, звали Рудик, быстро успокоился и продолжил:

— Вы играете, но не клеится. И тут входит Аркаша... Нужно придумать небольшой диалог. Он говорит типа того, что: а вот давайте я вам покажу, как надо. И вы даёте стране угля... Аркаша, что ты будешь исполнять первым номером?

Аркаша вроде как призадумался, но через мгновение вздёрнул брови:

— А мы в Лэнингрэде? Я тэк понимаю? Нэ ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — хмыкнул Андрей.

— Тэк сам бох велэл пэт про Лэнингрэд! Вот эту... — Стал постукивать ногой по сцене, отбивая ритм, и запел уже без всякого одесского выговора, но на мотив, напоминающий «Мурку» или что-то из её разряда: — Над моим городом луна сегодня светит...

Музыканты попытались подобрать мелодию.

— Давайте блатное спрячем, — остановившись, сказал Жора. — Пусть это будет такой усталый марш. — И сыграл пару тактов.

Аркаша

— Я не против, — сказал Рудик. — А ты как, Аркаша?

— Можно попробовать. Будет капля блата и ведро лирыки!

Сыграли один куплет — кое-что получилось.

— Так, а теперь репризу, — руководил Рудик. — Ну, диалог.

Тут пришлось поломать голову...

— А у вас есть враги? — спросил Аркаша музыкантов.

— В смысле?

— Враги, конкурэнты?

— Да нет...

— «Земляне», — вспомнил барабанщик. — Они у нас песню украли и поют теперь на концертах своих.

— А вам это нэ нравится?

— Ну да...

Аркаша стал быстро ходить по сцене, соображая. Качал висящую руку.

— Давайте тэк... Вы играете, и тут прихожу я. Ты, — кивнул на Жору, — говоришь: кто нам мешает? Я говорю: Я — Аркаша Северный. Здесь рэпетирует всемирно известный ансамбль «Земляне»? А ты говоришь: нет, мы «Россияне». Я говорю: о, вас-то я и ишу. И мы — бахаем. А, как?

Жора флегматично пожал плечами:

— Ну давайте... Только я скажу: мы не «Земляне», мы одна восьмая часть — мы «Россияне».

— Так даже лучше! Погнали!

Но ни с первого, ни со второго раза этот диалог записать не получилось. То скрип якобы двери — для этого гнули микрофон — был слишком сильный, то Жора сбивался, то Аркаша. Наконец звуковик остался доволен, и зазвучал усталый марш, потом густой, с хрипотцой баритон:

Над моим городом луна сегодня светит,
Видны, как днём, ладони старых площадей.
И я иду, меня никто, никто не встретит,
А лунный свет заставил вспомнить вновь о ней.

Луна Исакий будто вновь позолотила,
В волшебном свете разведённые мосты.
Прошли года, пускай она меня забыла,
Но этот город — совершенство красоты.

— Прох-ходочку! — крикнул Аркаша, и пианист, будто они заранее договорились, выдал пронизывающее душу соло.

В сиянье золота на Аничковом кони,
Блестит золотом Суворов над Невой,
И как живые, стали юноши Фальконе,
А тень Фальконе будто следует за мной...

После этой песни дело пошло живее. Аркаша в общих словах объяснял музыкантам, как и что играть, махал здоровой рукой человеку за магнитофоном:

— Включай, Серый!.. Перенесёмся в Москву. Песня про печаль.

Ночь тьмой окутала
Бульвары и парки Москвы,
А из Сокольников
Пьяненький тащишься ты.
Денег нет. Мыслей нет.
Машины уносятся вдаль.
И, как всегда, со мной
Пьяненькая печаль...
Пьяненькая печаль,
Пьяненькая печаль...

— А теперь очень грустная песня про несчастных, но коварных женщин, которых немало в наших больших городах... «Бомжихи».

Эх, у вокзала шляются бомжихи,
Жажущие выпить и поспать,
Голосом охрипшим очень тихо
Предлагают время скоротать...

Аркаша

— А слэдующей пэсней, — Аркаша вновь переходил на одесский говорок, — хочу вспомнить своего парижского дру-га Алешу Димитриеви́ча. Поехали, «Рэссияне»!

А я милого узнаю а по походке,
Он носит, носит брюки галифэ,
А шляпу он носит он панаму,
Ботиночки он носит а нариман.
А шляпу он носит он панаму,
Ботиночки он носит нариман...

— Песня о конце гражданской войны!

Четвертые сутки пылают станицы,
Потеет дождями донская земля.
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

А где-то лишь рядом проносятся тройки,
Увы, не понять нам загадочных лет, —

по лицу Аркаши скользнуло замешательство, словно он забыл слова, но вступил со следующей строкой вовремя:

Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Когда песня закончилась, мужчина в очках заметил:

— Так и не хочешь комиссаров вставлять. А такой ведь образ: «А в комнатах наших сидят комиссары, и девочек наших ведут в кабинет».

— Не лежит душа, Рудик. Но вот не лежит, и все. Не могу про комиссаров петь.

— А так не в рифму получается.

— Шо ж... Следующая песня...

Раза три Аркаша успевал нырять под трибуну. Прихватывал с собой и пианиста.